

Елена
Арсеньева

ЛЮБОВЬ ВЕЛИКИХ ЖЕНЩИН

И звезды
любят уметь

Елена Арсеньева
Тайна лебедя (Анна Павлова)
Серия «И звезды любить умеют»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138450

И звезды любить умеют: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-07298-5

Аннотация

Они были великими актрисами, примами, звездами. Однако эти женщины играли свои роли не только на сцене, но и в жизни. В этом их сила – и их слабость, счастье и великая беда. И все же... Прожить несколько жизней – чудесный дар, которым наделены лишь единицы: Вера Холодная, Айседора Дункан, Анна Павлова... Все они любили и были любимы... Об актрисах, их счастливой и несчастной, великой и мимолетной любви читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

4

19

Елена Арсеньева

Тайна лебедя

(Анна Павлова)

Музыку ждали, но все же она ударила с внезапностью выстрела. Зал содрогнулся от первого же аккорда, и пока звучало краткое вступление, нарастало возбужденное ожидание чего-то необычного... может быть, даже непристойного. В этом ожидании была тревога – та тревога, которую испытывают мужчины и женщины в ожидании любви. И резкий вздох, почти болезненный стон вырвался у зрителей, когда на сцену вылетели эти двое.

Они рассыпали каскады прыжков, но в то же время чудилось, что они ласкают друг друга. Они держали над головой полупрозрачное шелковое полотнище, и отблески страстного алого цвета румянили их лица, заставляя думать, что лица эти горят от вожделения.

Оба были так изумительно прекрасны, что чудились ожившими воплощениями мужской и женской красоты Золотого века.

Он напоминал сложением юного греческого бога: с игрой мускулов на безупречно сложенном теле, с длинными, силь-

ными ногами, перевитыми мышцами. Дамы, собравшиеся в зале, впивались в них глазами. Некоторые никогда в жизни не видели голых мужских ног! Ну, интересно, где они в то время, в 1910 году, в пуританском Лондоне, могли их видеть?! Даже балетные танцовщики появлялись на сцене, обтянув ноги трико. А тут... загорелые, слегка подернутые золотистым пушком... С ума сойти!

Когда при прыжках короткая туника, едва державшаяся на одном плече и перехваченная поясом на талии, всплескивалась, дамы-зрительницы переставали дышать и норовили заглянуть под эту тунику... нет, даже проникнуть взглядом под бандаж, оставляющий открытыми напряженные, точеные ягодицы, стягивающий узкие бедра и...

Сердца дам пропускали несколько ударов. Этот блистательный красавец, чьи короткие золотистые кудри венчал венок из виноградных листьев, похоже, вне себя от возбуждения! И дамы только теперь с ревнивой завистью, даже с ненавистью осознавали, что обворожительному... ох, боже мой!.. что ему было, пожалуй, с чего возбудиться, ибо с ним в паре танцевала самая обольстительная особа на свете.

Тонкая, безупречно сложенная, с мягким перетеканием одной в другую изящных линий тела, она тоже была в тунике, но более длинной, чем у партнера, прикрывающей ноги почти до колен. От этого каждому мужчине еще более страстно хотелось заглянуть под тунику. Ноги, господи-боже, какие у нее были ноги! Какой подъем! Да разве может быть у жен-

ской ножки такой выразительный, говорящий подъем? Какая тонкая щиколотка! Аристократически изящная! Какая длинная, немислимо стройная голень! Создана для поцелуев! А соблазнительная, тугая попка, а тонкая талия, а грудь торчком, а точеные плечи, а высокая шея, а лицо, ох, какое у нее дивное лицо – румяное, словно озаренное хмельным пламенем изнутри!

На черных струящихся волосах венки из виноградных листьев, такой же, как у красавца, которого все мужчины в зале немедленно начинали ненавидеть и к которому жутко, до иступления ревновали. Зрители приподнимались над креслами, не осознавая, что на их лицах отражено то же выражение опьянения страстью, которые изображали на сцене эти двое актеров... А может, все-таки не изображали, не играли, не танцевали, а ощущали воистину?

Да, это была вакханалия. Самая настоящая вакханалия чувств. Не зря танец именно так и назывался!

Она то манила его, то отталкивала. И вновь привлекала к себе, дразня. И, видимо, терпение молодого любовника иссякло. Он вскинул красавицу над головой и с силой оттолкнул от себя. Это было такое выразительное движение, что всем почудилось, будто прозвучало громкое проклятие.

Она упала, словно не выдержав его грубости.

Дамы испустили восторженный крик, почувствовав себя отшеченными. А мужчины разом издали истерический вопль ужаса:

– Она разбилась!

Они уже готовы были ринуться на сцену и отомстить негоддю, однако красавица тут же вскочила и раскинула руки, словно благодарно заключала всех в свои объятия.

Во всяком случае, так казалось мужчинам в зале. И они с глубокой тоской смотрели на ее поклоны, на плавные движения ее выразительных, говорящих рук, на улыбку румяного рта, ловили блеск из-под опущенных ресниц, а дамы ревниво пытались проследить за взглядом красавца. Томный это был взгляд, страстный, – чудилось, лишь удалясь за кулисы, эти двое упадут друг другу в объятия и предадутся истинной, не наигранной любви...

Занавес упал. На миг «эти двое» скрылись от всех. В их обращенных друг другу глазах сверкнул огонь, а вслед за этим танцовщица вскинула руку и наградила «греческого бога» увесистой оплеухой – у него даже голова качнулась назад. Воскликнула:

– Вот тебе за грубую поддержку!

И тотчас занавес вновь разлетелся в стороны, а блистательная пара склонилась в поклоне. Никто не заметил, что у красавца пылает слева лицо.

Занавес закрылся.

– Анна! – яростно метнулся «греческий бог» к партнерше.

Однако она, ничуть не испугавшись, смотрела с вызовом:

– Что вам угодно?

– Как ты смеешь?!

– Извольте обращаться с моей женой на «вы», господин Мордкин!

Вышедший из правой кулисы высокий светловолосый человек с чеканными чертами красивого, высокомерного лица и холодными голубыми глазами встал рядом с балериной, одновременно сделав работнику сцены раздраженный жест, означающий, чтобы занавес больше не раздвигали, как бы там ни надрывалась публика со своими докучливыми «браво» и «бис!».

– Вы, быть может, не заметили, сударь, что *ваша жена*, – последние два слова танцора прозвучали ядовито, – отвесила мне пощечину? Не будь она женщина...

– Вы можете вместо нее вызвать на дуэль меня, ежели вам нейдет, – тем же ледяным, учтивым тоном произнес голубоглазый господин. – Что же касается пощечины, то вы ее заслужили. Вы фактически бросили Анну Павловну на пол, она могла расшибиться, сломать руки, ноги...

– Шею, голову! – сердито буркнул партнер. – Ничего же не случилось, верно? Ну, хорошо, признаю: поддержка в самом деле была грубая, неудачная, я извиняюсь. Однако Анна слишком темпераментно рванулась от меня в сторону, я ее не смог удержать. Это произошло против моей воли, так что успокойтесь, Виктор.

– Кому Виктор, а кому барон Дандре, – сурово проговорил голубоглазый. – Все произошло против вашей воли, вы сказали? А вот *это*? *Это* тоже произошло против вашей во-

ли? – И он потряс газетой, которую держал в руках.

– Что это? – небрежно спросил Мордкин, однако на его лице промелькнуло обеспокоенное выражение.

– «Тэтлер»¹. Тот самый «Тэтлер», которому вы давали интервью. Право, может создаться впечатление, будто вы танцуете в одиночестве. И весь успех «Вакханалии», аплодисменты которой до сих пор грохочут в зрительном зале, принадлежат только вам. «Павлова тоже очаровывает», – ядовито процитировал Виктор Дандре, заглянув в газету. – Тоже очаровывает! Тоже! Единственная фраза об Анне Павловне во всей статье, во всем вашем интервью! Вы танцуете с нею «Легенду об Азиаде», «Жизель», «Коппелию», блистательную «Вакханалию», но, судя по статье, в этих балетах нет никого другого, кроме вас.

– Что вы ко мне пристали? – огрызнулся Мордкин, чувствуя себя явно неловко, но все же стараясь сохранить невозмутимость записного красавца. – Я не напрашивался на интервью. Репортер сам заговорил со мной, когда посмотрел, как я исполняю «Танец с луком и стрелой». Он в восторге от того, что я изменил название на «Танец индейца», что я надеваю головной убор из перьев...

– Который, по сообщению в газете, был вами куплен в Америке, у вождя племени сиу, – ядовито закончил Дандре. – Что за чушь, Мордкин? Какой, к черту, вождь сиу?!

---

¹ Газета, выходившая в описываемое время в Лондоне. В ней освещалась культурная жизнь Англии, в частности – гастроль русского балета.

Почему не ирокез, не апач, не могиқан какой-нибудь? Мы ведь прекрасно знаем, что этот головной убор вам изготовили в театральной мастерской. Нет же, сиу! Ох и любите вы пускать пыль в глаза! Вы когда-нибудь так заветесь, Мордкин, что попадетесь на собственном вранье. Непременно попадетесь, потому что вранье – очень утлая лодчонка, в которой опасно пускаться в житейское плаванье. Можно и на дно пойти!

– Вам это известно из собственного опыта, дорогой Виктор Эмильевич? – с самым невинным видом спросил Мордкин, и после этой вроде бы безобидной реплики оба: и увлеченный резонерством Дандре, и доселе стоявшая неподвижно и молча Анна Павлова – разом вскинули головы.

Анна даже прижала руку к лицу, как если бы Мордкин вернул ей пощечину.

Ну, он и впрямь знал, что делал, когда бросал, казалось бы, совершенно невинную фразу...

* * *

В начале XX века – серебряного, железного, кровавого, страшного, фантастического, грозного, стремительного, убогого, роскошного, перелопатившего судьбу человечества XX века, от которого так много ждали и который обманул столько ожиданий, даровав взамен то, что у него вовсе не могли просить, ибо фантазии на подобные просьбы не хвата-

ло, – так вот, в начале этого суетного века в среде петербургских аристократов и богачей отчего-то сделалось шикарным иметь на содержании артистку из Мариинского императорского театра. Но не певицу, а балетную танцовщицу.

Раньше говорили: «Балет существует для возбуждения потухших страстей у сановных старцев». Ну, это слишком радикально сказано, конечно. И страсти не потухли, и отнюдь не старцы числились в обожателях танцовщиц. Разумеется, все эти господа старались выбрать в содержанки не абы какую статисточку из кордебалета, которая за все время спектакля один-единственный разок окажется на виду, и то не одна, а вместе со своим четвертым или шестым рядом, где ее даже и в бинокль среди прочих не различишь, – а непременно ведущую балерину. Приму! Или хотя бы что-то из себя представляющую с точки зрения подлинных ценителей. Весьма желательно, чтоб о ней в газетах писали восторженные рецензии, вроде вот такой: «Вчерашним вечером на премьере балета такого-то блеснула госпожа NN. Ее стремительный арабеск во втором действии показал большой труд, строгий отбор выразительных средств, 34 подряд fouetteé вскружили голову зрителю, а ее pas de deux в паре с господином M. сделало новую славу русской Терпсихоры».

Нормальному человеку в сем наборе слов почти что ничего не понять, однако же до чего красиво звучит! И весьма тешит самолюбие, особенно ежели где-нибудь вскользь упомянуто, что означенная госпожа NN пользуется особым

расположением его сиятельства С., его превосходительства Р. либо его высочества К.

А самое главное, жить с балериной модно! Изысканно! Поэтому, хоть любовницы из чрезмерно субтильных и суровых к радостям плоти балерин получались не бог весть какие, даже двор не уберется от поветрия. Хотя, если на то пошло, обычай сей повелся именно от императорского двора, и начало ему положил сам государь Николай Александрович – правда, в бытность свою еще наследником престола, когда уложил к себе в постель хорошенькую польку-балеринку Матильду Кшесинскую. Роман с членами императорской фамилии эта умница, эта прелесть, эта милашка (росточку, кстати, хоть и крошечного, но с хорошими, очень выразительными формами) сделала потом своей профессией и основной статьей своего дохода. Ее любовниками стали поочередно великие князья Сергей Михайлович и Андрей Владимирович. Сестрицу Матильды Феликсовны, Юлию Кшесинскую, содержал банкир Зедделер. Балерину Числову опекал великий князь Николай Николаевич-старший, Кузнецову – его брат Константин Николаевич, Анастасию Нестеровскую – великий князь Гавриил Константинович...

Хотя соискателей расположения у каждой прелестницы было много – сильфиды и вилисы из Мариинки могли выбирать покровителя среди десятка конкурентов, – а все же балетоманы, любовники воздушных красавиц, составляли узкий кружок, своего рода привилегированный клуб. Особы

не титулованные допускались туда весьма неохотно: либо за крайнюю, почти непристойную степень богатства, вроде того же Зедделера, либо это были такие загадочные личности, как Виктор Дандре.

Он содержал недавно взошедшую звезду Анну Павлову. Эта связь, начавшаяся без бурного романа, лишенная обычных примет скандальности, стала тем не менее предметом пристального внимания как знатоков балета, так и многочисленных зрителей, которые себя к знатокам, быть может, и не причисляли, однако балетом наслаждались от всей души.

Суть в том, что Анна Павлова была не просто примой императорской сцены, но истинной звездой, затмившей и Кшесинскую, и Числову, и Ваганову, и Гельцер, и Преображенскую, и иных-прочих. Более того, у нее была уже мировая слава, и лучшие сцены Европы и Америки оспаривали право пригласить ее на гастроли. Она даже успела поразить воображение парижан в «Русских сезонах» скандалиста Дягилева! Но самое главное – Анна Павлова была известна своим замкнутым поведением, и не один десяток поклонников обломал копья об эту твердыню добродетели, а потом уныло отступил, так ничего и не добившись. А осаждали ее очень многие, причем с самых первых шагов появления на сцене. Нет, конечно, не с самых первых, а как только сошла с нее унылая девчоночья худоба, из-за которой Павлову даже не сразу приняли в балетную школу при Петербургском театральном училище.

Кстати сказать, она вообще не имела никакого права туда попасть, потому что была незаконнорожденная. Маменька ее, Любовь Федоровна Павлова, служила горничной в доме банкира Лазаря Полякова, который обольстил ее, а когда хорошенькая служаночка забеременела, взял да и выгнал вон – что называется, без выходного пособия. Хоть иди да бросайся в Мойку (в Фонтанку, Неву – есть выбор!). Однако Люба Павлова топиться не пошла, а уехала к матушке в Лигово, и там, в небольшом домишке, откуда она столь опрометчиво ринулась искать счастья в столице, родила свое дитя любви. А вернее, нелюбви, коли оно было столь жестоко-сердно отринуто родным отцом.

Впрочем, отцом ли? Смутные слухи клубились вокруг рождения этого семимесячного, едва живого ребеночка женского полу, окрещенного Анной, принявшего фамилию Павлова, ну и отчество по той же фамилии – Павловна. Якобы на сем отчестве Люба остановилась от великой обиды: ежели отец не хочет доченьку признать, то имя его недостойно быть даже занесено в ее метрики. Впрочем, поговаривали также, что Люба дала дочери отчество Павловна прежде всего потому, что точно не знала, кто именно ее отец: Лазарь ли Поляков, а может статься, кто-то и другой... К примеру, им вполне мог оказаться Матвей Шамаш – евпаторийский красавец-караим из семьи потомственных музыкантов, в 1880 году перебравшийся в Петербург и открывший там прачечное заведение, куда однажды и пришла с хозяйскими

вещами хорошенькая горничная Лазаря Полякова Любочка. Пришла и стала захаживать, а там и... То есть отчество малышки должно было быть, весьма вероятно, Матвеевна. Но тогда злобу и ревность Полякова, который однажды обнаружил, что его любовница беременна от другого, вполне можно понять. Весьма вероятно также, что Люба вовсе и не была его любовницей, что с самого начала у нее был роман с Матвеем Шамашем. Ну, тогда тем паче Поляков не был обязан заботиться о ребенке какой-то там горничной.

Почему этого не делал Шамаш? А черт его знает!

Почему Люба называла отцом своей дочери Лазаря Полякова? Да потому, что он был очень богат, в отличие от красавчика Матвея (то есть под этим именем его знали в Петербурге, а вообще-то он был даже не Матвей, а Шабетай, типичное такое караимское имя, не хуже и не лучше иных-прочих, но... Анна Шабетаевна? Воля ваша, господа, но все-таки уж пусть лучше Павлова остается Анной Павловной!). И тем не менее все же кто-то помогал Любове Федоровне выжить: тот или другой, Лазарь или Шабетай, потому что существовать вдвоем с ребенком на скудный заработок швеи (Любе пришлось выучиться шить на благотворительных курсах, которые призваны были «возвращать к достойной жизни» падших женщин) было, конечно, немислимо. Детство Анечки прошло в Лигове, в доме бабушки. Потом мать забрала ее в Петербург, и вот однажды, как раз получив очередную подачку от отца Анечки (кто бы он ни был, огром-

ное ему спасибо за то, что в этот день дал бывшей любовнице деньги и таким образом определил судьбу своей дочери!), Любовь Федоровна повела малышку в Мариинский театр.

Ставили «Спящую красавицу» Чайковского в постановке Петипа, который полновластно царил в то время на русской балетной сцене. Таких тонкостей, конечно, Анечка не знала и знать не могла. Вообще ей казалось, что чудо балета свершалось на ее глазах. Она даже вряд ли понимала, что перед нею актеры, а не настоящие феи, принцы, принцессы, короли... ну вот разве что крысы из свиты злой феи Карабос были не настоящие, это понятно. Условный, причудливый, раздражающе-притягательный, многими непостижимый и отторгаемый язык балета с первой секунды стал для нее словно бы родным наречием, которое давно и прочно забылось оттого, что в обыденной жизни приходилось говорить на другом языке, но, «услышав» это наречие вновь, она его моментально вспомнила и хотела теперь только одного: вернуться в мир, откуда была родом.

– Я вырасту и буду танцевать, как принцесса Аврора, – сказала она так уверенно, словно Кандид, добрая фея из «Спящей красавицы», только что коснулась ее своей волшебной палочкой, навеки определив судьбу.

Потом она станцует и фею Кандид, и Аврору, и многие другие партии, заронив смятение в души других девочек. Ох, сколько из них возмечтало тоже сделаться балеринами, увидев полет Павловой над сценой, увидев ее знаменитый

арабеск на кончиках пальцев в тот миг, когда уже затихла музыка и остановилось движение, но еще ощущается отзвук и затаенный трепет...

Но возмечтать – это одно. Сделаться балериной – совсем другое.

Еще при императрице Анне Иоанновне и с ее милостивого дозволения заезжий французский танцор Ланде открыл в верхних покоях Зимнего дворца школу танцевания. Уже спустя несколько лет русские таланты принялись изумлять иноземных учителей. Поначалу там обучались танцевать крепостные наяды и сатиры, от сохи да из-под коровы взятые, но перенимавшие от французов и итальянцев антраша, фуэте и батманы с отчаянной решимостью, охотою и удалю. Спустя несколько десятилетий в Императорской балетной школе и на балетном отделении Петербургского театрального училища появлялись талантливые дети уже из самых разных сословий. Отпрысков служителей императорских театров принимали с особенной благосклонностью: так, например, капельдинер Мариинского театра Ваганов устроил в школу свою девятилетнюю дочку Грунечку. Правда, приемная комиссия во главе с самим Петипа критически взглянула на ее плотную, избыточно крепенькую фигуру, на ровные от щиколотки до икры ноги, на негибкие руки. Зато ноги обладали сильными мышцами – а балерине мышцы нужны стальные! – и у Грунечки было отменное здоровье, сразу видно. Поэтому ее сразу приняли, хоть сло-

жение и не отвечало балетным канонам. Зато восьмилетнюю худышку Анюту Павлову, черненькую смугляночку, маленькую, изящную, словно мушка, необычайно гибкую и грациозную, отправили домой, наказав маменьке:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.